

110-5

СОВЕТСКАЯ ИБЛИОГРАФИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

6_в
130

1971

А. Н. АФАНАСЬЕВ И ЖУРНАЛ «БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ»

(К 100-летию со дня смерти А. Н. Афанасьева)

[Имя Александра Николаевича Афанасьева хорошо известно историкам русской культуры; знакомо оно и широким кругам читателей. Фольклористика и этнография, собирательство и публикаторство сказок и легенд русского народа, исследование славянской мифологии, история литературы и общественной мысли, библиография и редактирование одного из лучших дореволюционных книговедческих журналов — «Библиографических записок», — таков диапазон деятельности этого видного ученого.]

Различные стороны творчества А. Н. Афанасьева исследованы далеко не в равной степени. Если его деятельность как фольклориста и этнографа получила достаточно полное освещение в трудах дореволюционных и советских исследователей¹, то его работы по истории русской литературы, журналистики и просвещения не подвергнуты до сих пор серьезному анализу, и уже совсем мало знаем мы о том, что представлял собой Афанасьев как библиограф и редактор «Библиографических записок». В трудах историков русской библиографии об этой стороне деятельности Афанасьева говорится очень бегло, и оценивается она подчас просто неверно.

Недостаточно глубоко изучен и имеющий первостепенное значение вопрос об общественной позиции Афанасьева. Облик его как человека и гражданина выявлен не вполне отчетливо, и это обстоятельство порождает противоречивые характеристики, встречающиеся в работах современных исследователей. Так, например, в «Истории русской этнографии» С. А. Токарева Афанасьев характеризуется как «ученый либерального лагеря», который «был чужд революционным идеям Белинского и Герцена»², хотя к демократическому движению в России и в европейских странах относился с симпатией. Совсем по-иному оценивается общественная позиция Афанасьева в исследовании Н. Я. Эйдельмана, посвященном русским корреспондентам герценовских изданий³ (и вышедшем

¹ См.: Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. 2. Спб., 1891; Ягич И. В. История славянской филологии. — В кн.: Энциклопедия славянской филологии. Вып. 1. Спб., 1910; Савченко С. В. Русская народная сказка (история собирания и изучения). Киев, 1914; Соколов Ю. М. Жизнь и научная деятельность А. Н. Афанасьева. — В кн.: Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Т. 1. М., 1936; Азадовский М. К. История русской фольклористики. Т. 2. М., Учпедгиз, 1963; Токарев С. А. История русской этнографии. (Дюктябрьский период). М., «Наука», 1966.

² Токарев С. А. История русской этнографии, с. 235 и 242.

³ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., «Мысль», 1966.

в том же году, что и «История русской этнографии»). Здесь Афанасьеву отводится значительное место среди деятелей левого крыла демократического движения 60-х годов, составлявших «партию Герцена и Огарева». Подобный разнобой во мнениях объясняется тем, что до недавнего времени не были выявлены подлинные связи Афанасьева с Герценом и русскими «герценовцами», позволяющие по-новому понять и круг его научных интересов.

Надо сказать, что демократическая позиция Афанасьева никогда не подвергалась сомнению. Через двадцать лет после его смерти хорошо знавший и высоко ценивший его А. Н. Пыпин писал: «Имя Афанасьева принадлежит к числу наиболее симпатичных имен в истории русской науки, посвященной исследованию русской народности и старины. В наше время еще многие помнят этого ученого исследователя, в котором глубокая любовь к науке связывалась с живым интересом к народной жизни»⁴. Еще более определенно высказывается по этому вопросу М. К. Азадовский: «Сборник Афанасьева («Народные русские сказки». — Л. Р.) стоит во главе демократической линии в истории русского собирательства». «Западничество молодого Афанасьева, — пишет он далее, — не требует никаких оговорок: в дальнейшем же он все более и более подпадал под власть крепнувшего демократического движения, в разгар которого он и заканчивает свои «Поэтические воззрения». Такие факты, как публикация за границей сборника «Заветных сказок», посещение Герцена и др., особенно характерны в этом отношении»⁵.

Таково мнение авторитетнейших исследователей, в распоряжении которых даже не было фактов биографии ученого, известных ныне. Поэтому несколько странным представляется причисление Афанасьева к либеральному лагерю, а его журнала «Библиографические записки» — к органам формалистической, далекой от жизни библиографии, как это делается некоторыми советскими историками. К подобной оценке приводит, видимо, недостаточная изученность вопроса, однобокий подход к деятельности Афанасьева, при котором различные аспекты его научной, общественной и библиографической работы анализируются изолированно друг от друга.

В нынешнем году исполнилось сто лет со дня смерти Афанасьева. Столетие — срок более чем достаточный для того, чтобы оценить вклад этого замечательного деятеля в историю отечественной культуры, но для этого, очевидно, потребуется совместная работа специалистов всех тех областей науки, в которых он трудился. Настоящая статья, естественно, не претендует на исследование всех сторон деятельности Афанасьева. Задача ее гораздо скромнее: определить его место в истории русской библиографии. На основных обстоятельствах его биографии мы останавливаемся лишь постольку, поскольку это необходимо для понимания его научной и общественной позиции.

А. Н. Афанасьев родился 11 июля 1826 г. в семье уездного стряпчего. Закончив воронежскую гимназию, он поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил, преодолевая тяжкую нужду, в 1848 г. Университетские годы имели громадное значение для становления научных и общественных интересов молодого Афанасьева. Ему довелось быть учеником таких замечательных педагогов, как Т. Н. Грановский, П. Г. Редкин, П. Н. Кудрявцев, К. Д. Кавелин, Н. В. Калачов, считавших, что история и право — это науки, по преимуществу воспитывающие гражданина. В среде демократически настроен-

⁴ Пыпин А. Н. История русской этнографии, т. 2, с. 110.

⁵ Азадовский М. К. История русской фольклористики, т. 2, с. 74 и 81.

ного студенчества Афанасьев встретил единомышленников, из которых наибольшее влияние на него оказал сын декабриста И. Д. Якушкина Евгений, ставший затем самым близким его другом. В конце 40-х годов Е. И. Якушкин ввел Афанасьева в кружок Н. Х. Кетчера — П. Л. Пикулина, отмеченный культом Герцена. Он же — десять лет спустя — познакомил Афанасьева с вернувшимися из ссылки декабристами — И. Д. Якушкиным, И. И. Пущиным, М. И. Муравьевым-Апостолом, в которых молодой человек, годившийся им в сыновья, нашел друзей и советчиков, а его журнал «Библиографические записки» — усердных и заинтересованных читателей. В студенческие годы определился интерес Афанасьева к этнографии и истории России, преимущественно к XVIII веку. Окончив университет, Афанасьев поступил на службу в Главный московский архив министерства иностранных дел, вначале делопроизводителем, а затем — правителем дел комиссии печатания государственных грамот и договоров, состоявшей при архиве.

Социальное положение разночинца Афанасьева сделало его достаточно восприимчивым к демократическим идеям и противоправительственным настроениям; круг лиц, с которыми он сблизился, укрепил в нем эти тенденции. Научные интересы Афанасьева, какими бы далекими от злобы дня они, на первый взгляд, ни представлялись, были следствием именно подобной общественной позиции. Тот факт, что Афанасьев и Якушкин — юристы по образованию — обратились в своей исследовательской работе прежде всего к этнографии — весьма знаменателен. «Русский социализм» Герцена, сторонниками которого оба они являлись, уделял громадное внимание вопросам быта и нравов народа. «Не зная народа, — писал Герцен, — можно притеснять народ, кабалить его, завоевывать, но освободить нельзя»⁶. Известно, что этнографическому изучению русского народа придавал большое значение весь революционно-демократический лагерь. Кроме того, Афанасьев, вышедший из исторической школы юристов, рассматривал народные сказки и легенды и как важный источник, без которого невозможно построение полноценной истории самого народа. В годы общественного подъема, предшествовавшие первой революционной ситуации, «фольклорная» тема имела особо важное политическое звучание. Недаром правительство с такой настороженностью относилось к публикациям песен, сказок и легенд русского народа. «Легенды мои запрещены III отделением, во власти которого очутилась наша цензура», — сообщал Афанасьев в письме к М. Ф. Де-Пуле, своему воронежскому приятелю, историку и литературоведу⁷. Это написано 21 мая 1860 г. В дальнейшем условия, в которых пришлось работать Афанасьеву, еще более ухудшились. Приходится только удивляться, как много смог сделать этот неутомимый труженик.

Труды Афанасьева по истории сатирической журналистики, публикации новиковских и радищевских материалов, документов по истории масонства также имели большой общественный смысл, перекликаясь с тематикой «Исторических сборников Вольной русской типографии» и «Полярной звезды», были весьма острыми в политическом отношении.

Служба в архиве министерства иностранных дел дала Афанасьеву доступ к важнейшим секретным государственным документам, копии с которых он снимал для себя. Так, при обыске в 1862 г. у него были найдены секретные бумаги, касающиеся раскольников. Среди бумаг,

⁶ Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. 16. М., 1959, с. 77.

⁷ Письмо А. Н. Афанасьева к М. Ф. Де-Пуле. — Институт русской литературы АН СССР (ИРЛИ), ф. 568, № 119, лл. 1—2.

извлеченных Афанасьевым из архива и, как предполагают исследователи, переправленных им в Лондон, находились и такие сугубо секретные и ревниво охраняемые царским правительством, как материалы, касающиеся убийства Петра III, ареста Сперанского, военные приказы Павла I и др.⁸

В 1860 г. Афанасьев посетил за границей Герцена, которому передал ряд чрезвычайно важных документов, появившихся затем на страницах Вольной печати. Эта поездка осталась незамеченной властями, но в 1862 г. Афанасьев был привлечен к суду по «Делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами»: ему вменялось в вину то, что он принимал у себя нелегально приезжавшего в Россию агента Герцена В. И. Кельсиева. Комиссия, расследовавшая это дело, отметила, что «сам Афанасьев вообще держит себя подозрительно»⁹. Однако прямых улик против него собрать не удалось. На допросах Афанасьев вел себя исключительно мужественно, ни в чем не признался, не назвал ни одного имени (а известно ему было очень многое!). И хотя по суду он был оправдан, комиссия сочла необходимым уведомить министра иностранных дел, «что она не ручается за сохранность важных государственных актов в московском архиве, если не будет обращено должное внимание на служащего там литератора Афанасьева»¹⁰. Внимание было обращено — Афанасьев был немедленно уволен со службы. В последующие годы он сильно бедствовал, но не прекращал научной работы. Именно в эти годы им был создан знаменитый его труд «Поэтические воззрения славян на природу» (1865—1869). 23 сентября 1871 г. Афанасьев умер от чахотки в возрасте 45 лет.

Часть бумаг Афанасьева унаследовал ближайший его друг Якушкин. Среди них оказался дневник, представляющий исключительную ценность для историков общественной мысли. Якушкин сделал попытку издать его. 12 сентября 1875 г. он писал: «В настоящее время я занят приведением в порядок бумаг Афанасьева и приготовлением к печати его записок, которые, к сожалению, придется печатать с большими пропусками»¹¹. Однако и со значительными купюрами дневник Афанасьева оказался неприемлемым для цензуры. Он так и не был опубликован и дошел до нас в составе громадного якушкинского архива (ЦГАОР, Москва)¹². Некоторые ценные документы, собранные Афанасьевым, оказались у известного библиографа и историка литературы П. А. Ефремова, которому удалось напечатать один из них — чрезвычайно важный рассказ Рылеева о «семеновской истории»¹³. Благодаря содействию Ефремова были напечатаны и отрывки из воспоминаний Афанасьева¹⁴, текст которых хранился у Е. Н. Аммон, сестры последнего. Где находится теперь та часть богатейшего архива Афанасьева, которая не зарегистрирована современными архивными справочниками — установить пока не удастся. По всей видимости она просто пропала.

Еще более печальна судьба библиотеки Афанасьева. Собирая книги со студенческих лет, тратя на них буквально каждый грош, отрываемый

⁸ См.: Эйфельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды», с. 165.

⁹ Лемке М. К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». По изд. док. СПб., 1908, с. 108.

¹⁰ Там же, с. 142.

¹¹ Письмо Е. И. Якушкина к П. А. Ефремову. — ИРЛИ, 2485. 8 м. 77, л. 2.

¹² Несколько отрывков из дневника Афанасьева опубликовал Н. Я. Эйфельман в указанной выше книге.

¹³ «Рус. старина», 1871, т. 4, с. 419—435 и 533—548.

¹⁴ См.: «Московский университет в воспоминаниях Афанасьева. 1843—1849 гг.» — «Рус. старина», 1886, т. 51, с. 357—394.

от своего более чем скудного бюджета, Афанасьев сумел создать превосходное собрание, ставшее серьезным подспорьем в его историко-литературной и библиографической работе. После увольнения со службы он был вынужден продать библиотеку — единственное свое достояние. Она была куплена букинистами и погибла для русской культуры, разделив судьбу многих частных собраний XIX в.

Литературная и библиографическая деятельность Афанасьева началась очень рано — еще на студенческой скамье. Дебютировал он статьей «Государственное хозяйство при Петре Великом», напечатанной в «Современнике» (1847, № 6—7) при жизни Белинского. Работа, очевидно, понравилась редакции журнала и послужила основанием для приглашения Афанасьева к постоянному сотрудничеству. В течение шести лет — с 1847 по 1853 г. он опубликовал в «Современнике» сорок семь работ — обзоров, статей и рецензий на исторические темы¹⁵, среди них три обзора русской исторической литературы¹⁶, составлявших части годовых обзоров русской литературы, регулярно помещаемых в этом журнале. «Очень рад, что Вы согласились писать обозрение по части истории русской, — писал Афанасьеву Н. А. Некрасов. — Мне кажется, что работы по русской истории есть самое лучшее, самое главное и самое характерное в нашей литературе последних двух или трех лет»¹⁷. То, что Некрасов поручил молодому человеку, едва вышедшему из студенческой аудитории, обозрение столь важной части литературной продукции, можно рассматривать как знак большого доверия. И действительно, Афанасьев необычайно рано завоевал авторитет серьезного и в высшей степени добросовестного работника. Любое дело, за которое он брался, выполнялось им образцово. Не обманул он и надежд Некрасова. Его обзоры в «Современнике» и сейчас представляют немалый интерес для библиографов и заслуживают пристального внимания.

Прежде всего, молодой историк не побоялся взять на себя большую ответственность за отбор литературы, выделив из книжного потока лишь самое, по его мнению, существенное. Выбранные работы Афанасьев изучил самым внимательным образом. Его аннотации, как правило, включают серьезную и мотивированную оценку каждого произведения (этого требовал сам жанр обозрения). Афанасьев вводит и указания на рецензии, что в то время было делом еще новым. Особое внимание уделяет он публикациям исторических источников. Здесь он как архивист, прошедший к тому же школу известного историка Н. В. Калачова, обнаруживает великолепное знание дела и высказывает ряд требований к публикациям и их библиографированию. В обзоре русской исторической литературы, помещенном в «Отечественных записках»¹⁸, он пишет: «Библиография не должна только списывать заглавия и считать страницы: она обязана указать подробно содержание памятника, обозначить его источники, сличить различные его списки, обозначить время его составления. Без этого у нас будет собрание каталогов, а не будет библиографии»¹⁹. Естественно, что для того, чтобы успешно справиться со

¹⁵ См.: Богград В. Э. Журнал «Современник» 1847—1866. Указ. содерж. М.-Л., Гослитиздат, 1959.

¹⁶ Историческая русская литература за 1849 год. — «Современник», 1850, № 1, отд. 3, с. 1—42; Обзор русской исторической литературы за 1850 год. — «Современник», 1851, № 1, отд. 3, с. 1—32; Русская историческая литература в 1851 году. — «Современник», 1852, № 2, отд. 3, с. 15—26.

¹⁷ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. 10. М., 1952, с. 135, 137.

¹⁸ В этом журнале Афанасьев печатал обзоры русской исторической литературы аналогичные обозрениям в «Современнике» (см. «Отеч. зап.», 1851, № 1, отд. 5, с. 30—66; 1852, № 1, отд. 5, с. 36—60).

¹⁹ «Отеч. зап.», 1851, отд. 5, № 1, с. 62.

от своего более чем скудного бюджета, Афанасьев сумел создать пре-восходное собрание, ставшее серьезным подспорьем в его историко-ли-тературной и библиографической работе. После увольнения со службы он был вынужден продать библиотеку — единственное свое достояние. Она была куплена букинистами и погибла для русской культуры, разделив судьбу многих частных собраний XIX в.

Литературная и библиографическая деятельность Афанасьева нача-лась очень рано — еще на студенческой скамье. Дебютировал он статьей «Государственное хозяйство при Петре Великом», напечатанной в «Со-временнике» (1847, № 6—7) при жизни Белинского. Работа, очевидно, понравилась редакции журнала и послужила основанием для пригла-шения Афанасьева к постоянному сотрудничеству. В течение шести лет— с 1847 по 1853 г. он опубликовал в «Современнике» сорок семь работ — обзоров, статей и рецензий на исторические темы¹⁵, среди них три об-зора русской исторической литературы¹⁶, составлявших части годовых обзоров русской литературы, регулярно помещаемых в этом журнале. «Очень рад, что Вы согласились писать обозрение по части истории рус-ской, — писал Афанасьеву Н. А. Некрасов. — Мне кажется, что работы по русской истории есть самое лучшее, самое главное и самое характер-ное в нашей литературе последних двух или трех лет»¹⁷. То, что Некра-сов поручил молодому человеку, едва вышедшему из студенческой ауди-тории, обозрение столь важной части литературной продукции, можно рассматривать как знак большого доверия. И действительно, Афанасьев необычайно рано завоевал авторитет серьезного и в высшей степени добросовестного работника. Любое дело, за которое он брался, выполня-лось им образцово. Не обманул он и надежд Некрасова. Его обзоры в «Современнике» и сейчас представляют немалый интерес для библио-графов и заслуживают пристального внимания.

Прежде всего, молодой историк не побоялся взять на себя большую ответственность за отбор литературы, выделив из книжного потока лишь самое, по его мнению, существенное. Выбранные работы Афанасьев изучил самым внимательным образом. Его аннотации, как правило, включают серьезную и мотивированную оценку каждого произведения (этого требовал сам жанр обозрения). Афанасьев вводит и указания на рецензии, что в то время было делом еще новым. Особое внимание уде-ляет он публикациям исторических источников. Здесь он как архивист, прошедший к тому же школу известного историка Н. В. Калачова, обна-руживает великолепное знание дела и высказывает ряд требований к публикациям и их библиографированию. В обзоре русской исторической литературы, помещенном в «Отечественных записках»¹⁸, он пишет: «Библиография не должна только списывать заглавия и считать стра-ницы: она обязана указать подробно содержание памятника, обозначить его источники, сличить различные его списки, обозначить время его со-ставления. Без этого у нас будет собрание каталогов, а не будет библио-графии»¹⁹. Естественно, что для того, чтобы успешно справиться со

¹⁵ См.: Боград В. Э. Журнал «Современник» 1847—1866. Указ. содерж. М.-Л., Гослитгиздат, 1959.

¹⁶ Историческая русская литература за 1849 год. — «Современник», 1850, № 1, отд. 3, с. 1—42; Обзор русской исторической литературы за 1850 год. — «Современник», 1851, № 1, отд. 3, с. 1—32; Русская историческая литература в 1851 году. — «Современник», 1852, № 2, отд. 3, с. 15—26.

¹⁷ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. 10. М., 1952, с. 135, 137.

¹⁸ В этом журнале Афанасьев печатал обзоры русской исторической литературы аналогичные обозрениям в «Современнике» (см. «Отеч. зап.», 1851, № 1, отд. 5, с. 30—66; 1852, № 1, отд. 5, с. 36—60).

¹⁹ «Отеч. зап.», 1851, отд. 5, № 1, с. 62.

столь ответственной задачей, библиограф сам должен быть крупным специалистом, знатоком исторических источников. Афанасьев вполне удовлетворял этому требованию, и поэтому редакции самых популярных в то время журналов поручали ему столь ответственное дело. Следует отметить еще одно обстоятельство. Отбирая литературу для обзора, Афанасьев уделял преимущественное внимание трудам по политической истории России, археологии и мифологии, т. е. тем темам, в которых он считал себя более компетентным и которые затем определили и тематику его «Библиографических записок».

Начиная с 1850 г., Афанасьев выступает и в другом, не менее ответственном библиографическом жанре, составляя тематические указатели содержания старых журналов. В конце 40-х годов при московском архиве министерства иностранных дел начал издаваться журнал «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России» под редакцией Н. В. Калачова. При участии Афанасьева был разработан план библиографического отдела «Архива...»²⁰, который предусматривал, в частности, составление указателей к журналам прошлых лет под углом зрения отражения материалов о России. Сам Афанасьев составил указатели к «Северному архиву» и «Отечественным запискам» Свинына²¹. Особый интерес представляет второй из этих указателей, содержащий 583 записи и великолепно проаннотированный. Афанасьев и здесь, как и в своих обзорах, не просто описывает, но и оценивает статьи, приводит массу дополнительных данных, дает библиографические справки, раскрывает псевдонимы и анонимы. К указателю приложен «Ключ» — «Имена сочинителей, путешественников и переводчиков» и «Указатель лиц, мест и предметов». В результате громадной работы, проделанной Афанасьевым, содержание журнала было раскрыто со всей возможной полнотой. Чернышевский высоко оценил труд Афанасьева, сказав, что этот указатель дает своему составителю «полное право на благодарность всех занимающихся русскою историею»²².

Мы не упоминаем здесь о массе небольших библиографических заметок и рецензий, напечатанных Афанасьевым на страницах различных периодических изданий. Все они отличаются высокой библиографической и научной культурой, что было отмечено уже его современниками. Насыщены библиографическими примечаниями исторические работы Афанасьева, такие, например, как «Русские сатирические журналы» (М., 1859), «И. В. Лопухин» («Архив...», 1860, кн. 1) и др.

Афанасьев неуклонно следовал правилу библиографировать только *de visu*. Все его библиографические труды обязательно аннотировались, причем в аннотациях не только раскрывалось содержание каждого произведения, но и давалась оценка его. Он разработал систему вспомогательных указателей для библиографических пособий по истории. Особенно интересными (и для современных библиографов) нам представляются предметные «ключи», которыми снабжены указатели Афанасьева.

²⁰ Об этом см.: Фрадкина З. Л. Русская историческая библиография 40—60-х годов XIX в. — В кн.: Теория и история библиографии. Сборник статей в память К. Р. Симона. М., 1970, с. 193.

²¹ Указатель статей по русской истории, географии, статистике и русскому праву, помещенных в «Северном архиве». — «Арх. ист.-юрид. сведений, относящихся до России, издаваемый Н. В. Калачовым», 1850, кн. 1, прил. 2, с. 1—100; Указатель статей по русской истории, географии, статистике и русскому праву, помещенных в «Отечественных записках» (изданных П. Свиныным). — Там же, 1854, кн. 2, половина 2-я, прил. 2, с. 1—123; 1861, кн. 3, прил. 2, с. 1—131.

²² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 2. М., 1949, с. 381.

Принципы работы над библиографическим материалом были выработаны Афанасьевым в 1850—1854 гг., т. е. в годы наиболее активной библиографической деятельности. В 1854—1857 гг. он почти совсем не выступает в печати как библиограф, всецело занятый подготовкой двух крупных работ — упомянутого выше исследования по истории журналистики и знаменитых «Народных русских сказок» (первый выпуск которых увидел свет в 1855 г.).

В 1858 г. Афанасьев приступает к изданию библиографического журнала с отчетливо выраженной программой и определенным политическим лицом — «Библиографические записки»²³. В журнале были реализованы именно те требования к библиографии и публикации источников, которые Афанасьев сформулировал в цитированном обзоре в «Отечественных записках».

Для того, чтобы лучше представить себе круг авторов «Библиографических записок», определивших тематику и политическое направление журнала, сделаем небольшой экскурс в историю библиографии.

В начале 50-х годов XIX в. в России начал складываться новый тип работника книжного и литературного дела; начался период в отечественном литературоведении и книговедении, который принято называть «библиографическим». На страницах многих периодических изданий стали появляться сообщения и публикации, касавшиеся малоизвестных или забытых фактов истории книги, литературы, просвещения, общественной мысли. Эти публикации принадлежали, как правило, перу библиофилов, владельцев превосходных книжных собраний, не только приобретающих, но и усердно изучавших книжную старину. Из множества лиц, примкнувших к новому библиографическому движению (иногда просто из-за «моды» на библиографию), к концу 50-х годов выделилась группа серьезных исследователей, преимущественно москвичей, которая начала ощущать настоятельную необходимость в собственном печатном органе.

Чрезвычайно знаменательным представляется нам тот факт, что это была группа людей, связанных общностью не только библиографических и историко-литературных, но и политических интересов и устремлений. По своему социальному положению они были, как правило, разночинцами (хотя среди них встречались и люди «хороших» фамилий), для которых издание собственного журнала было делом чрезвычайно трудным, не только не сулившим никаких материальных выгод, но еще и приносившим убытки. Решаясь на издание специального библиографического журнала, они шли на большие жертвы, и руководило ими сознание общественной необходимости подобного предприятия. Весьма показательным, что основную ответственность — и финансовую и научную — взял на себя именно Афанасьев, которого все знавшие его характеризуют как русского Дон Кихота, преданного науке до забвения собственных интересов.

Вокруг Афанасьева и его журнала группировались друзья и единомышленники: Е. И. Якушкин, П. А. Ефремов, М. П. Полуденский, В. П. Гаевский, Н. В. Гербель. Несколько позднее в журнале начали активно сотрудничать и будущие революционеры М. Л. Михайлов и В. И. Касаткин. В журнале сотрудничали и люди весьма далекие от радикализма его основных работников: М. Н. Лонгинов, С. А. Соболевский, Г. Н. Геннади и другие видные библиографы, но они, естественно, не принимали участия в редакционных делах и не определяли лица жур-

²³ Журнал формально числился за Н. М. Щепкиным, но фактически не только редакция, но и расходы по его изданию полностью лежали на Афанасьеве.

Принципы работы над библиографическим материалом были выработаны Афанасьевым в 1850—1854 гг., т. е. в годы наиболее активной библиографической деятельности. В 1854—1857 гг. он почти совсем не выступает в печати как библиограф, всецело занятый подготовкой двух крупных работ — упомянутого выше исследования по истории журналистики и знаменитых «Народных русских сказок» (первый выпуск которых увидел свет в 1855 г.).

В 1858 г. Афанасьев приступает к изданию библиографического журнала с отчетливо выраженной программой и определенным политическим лицом — «Библиографические записки»²³. В журнале были реализованы именно те требования к библиографии и публикации источников, которые Афанасьев сформулировал в цитированном обзоре в «Отечественных записках».

Для того, чтобы лучше представить себе круг авторов «Библиографических записок», определивших тематику и политическое направление журнала, сделаем небольшой экскурс в историю библиографии.

В начале 50-х годов XIX в. в России начал складываться новый тип работника книжного и литературного дела; начался период в отечественном литературоведении и книговедении, который принято называть «библиографическим». На страницах многих периодических изданий стали появляться сообщения и публикации, касавшиеся малоизвестных или забытых фактов истории книги, литературы, просвещения, общественной мысли. Эти публикации принадлежали, как правило, перу библиофилов, владельцев превосходных книжных собраний, не только приобретающих, но и усердно изучавших книжную старину. Из множества лиц, примкнувших к новому библиографическому движению (иногда просто из-за «моды» на библиографию), к концу 50-х годов выделилась группа серьезных исследователей, преимущественно москвичей, которая начала ощущать настоятельную необходимость в собственном печатном органе.

Чрезвычайно знаменательным представляется нам тот факт, что это была группа людей, связанных общностью не только библиографических и историко-литературных, но и политических интересов и устремлений. По своему социальному положению они были, как правило, разночинцами (хотя среди них встречались и люди «хороших» фамилий), для которых издание собственного журнала было делом чрезвычайно трудным, не только не сулившим никаких материальных выгод, но еще и приносившим убытки. Решаясь на издание специального библиографического журнала, они шли на большие жертвы, и руководило ими сознание общественной необходимости подобного предприятия. Весьма показательным, что основную ответственность — и финансовую и научную — взял на себя именно Афанасьев, которого все знавшие его характеризуют как русского Дон Кихота, преданного науке до забвения собственных интересов.

Вокруг Афанасьева и его журнала группировались друзья и единомышленники: Е. И. Якушкин, П. А. Ефремов, М. П. Полуденский, В. П. Гаевский, Н. В. Гербель. Несколько позднее в журнале начали активно сотрудничать и будущие революционеры М. Л. Михайлов и В. И. Касаткин. В журнале сотрудничали и люди весьма далекие от радикализма его основных работников: М. Н. Лонгинов, С. А. Соболевский, Г. Н. Геннади и другие видные библиографы, но они, естественно, не принимали участия в редакционных делах и не определяли лица жур-

²³ Журнал формально числился за Н. М. Щепкиным, но фактически не только редакция, но и расходы по его изданию полностью лежали на Афанасьеве.

нала (сотрудничество их, за исключением Геннади, было лишь эпизодическим).

В упоминавшейся работе Н. Я. Эйдельмана уже высказывалось мнение, что круг авторов «Библиографических записок» был «партией Герцена и Огарева» в России и что подавляющее большинство материалов, опубликованных на страницах герценовской «Полярной звезды» и «Исторических сборников Вольной русской типографии», было получено от редакции этого журнала²⁴. Нас в данном случае интересует состав самих «Библиографических записок», их основная тематика, жанровые особенности; понимание редакцией журнала задач и общественных функций библиографии, ее объема и предмета. Оговоримся сразу, что речь пойдет преимущественно о первых двух годах существования журнала, когда он выходил под редакцией А. Н. Афанасьева, т. е. о 1858—1859 гг. В 1860 г. журнал вообще не выходил, так как Афанасьев был за границей, а в 1861 г. он был возобновлен В. И. Касаткиным. Афанасьев в это время совсем отходит от редакционных дел, продолжая, впрочем, оставаться корреспондентом «Библиографических записок»²⁵. Разница в программе афанасьевского и касаткинского журналов невелика, но все же некоторые различия имеются, поэтому в нашей статье мы будем опираться только на материал 1858—1859 гг.

Тематика «Библиографических записок» уже давно обратила на себя внимание исследователей. «Результаты библиографических разысканий в области старинной и новой русской литературы были основным его содержанием», — пишет Н. В. Здобнов. Далее он отмечает, что в журнале были впервые напечатаны стихотворения Жуковского, Пушкина, Лермонтова, в том числе запретное до того времени стихотворение Лермонтова «На смерть поэта» (без заключительных 16 строк), письма Пушкина, Гоголя, Грибоедова, Чаадаева, Державина, библиографические указатели сочинений Пушкина и Кантемира, материалы о Новикове, Радищеве. «В «Библиографических записках» напечатано также много ценного материала по вопросам книговедения. Поэтому они считаются одним из лучших библиографических журналов. Но они не могли подняться до уровня современной им общественной жизни... Хотя они и признавали критический элемент в библиографии, но сами в первые два года своего существования избегали критической библиографии»²⁶. Таким образом, полагая, что материалы «Библиографических записок» имели научный и общественный интерес, Н. В. Здобнов ставит им в вину лишь отсутствие «критической» библиографии, подразумевая под этим, очевидно, рецензирование текущей книжной продукции.

Иначе оценивает журнал С. А. Рейсер. Считая «Библиографические записки» выразителем формального подхода к библиографии, он отрицает какое бы то ни было общественное значение тех публикаций запрещенных материалов, которые столь высоко ценились как современниками, так и позднейшими исследователями. «То обстоятельство, — пишет С. А. Рейсер, — что в «Библиографических записках» печатались некоторые материалы, связанные с деятельностью Радищева или Новикова, ничего не меняет: эти материалы были признаны достойными публикации именно из-за их редкости, малодоступности. То же касается и мате-

²⁴ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды», с. 149—162.

²⁵ См. письма Афанасьева к М. Ф. Де-Пуле (ИРЛИ, ф. 568, № 119) и П. П. Пекарскому (ГПБ, ф. 568, № 159).

²⁶ Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 3-е. М., 1955, с. 345.

риалов, относящихся к Пушкину»²⁷. Таким образом, складывается впечатление, что в редакции журнала сидели оторванные от жизни анахореты, которые, печатая массу запрещенного царской цензурой материала (и вступая из-за этого в постоянный конфликт с нею), понятия не имели об общественной ценности своих публикаций, ибо их интересовало не содержание, а только редкость того или иного документа. Однако обратимся к фактам.

В ноябре 1858 г. М. Ф. Де-Пуле, усердный читатель и почитатель «Библиографических записок», написал Афанасьеву письмо, в котором спрашивал, нельзя ли в журнале, вслед за новиковскими, поместить и радищевские материалы (Де-Пуле знал, что Афанасьев в течение многих лет их собирал). В ответном письме от 12 ноября 1858 г. Афанасьев пишет: «О Радищеве я уже думал, но дело очень щекотливое в цензурном отношении: на первый раз пушу выписки из известной его книги, по поводу статьи Пушкина о Радищеве»²⁸. Обратим внимание на тактику Афанасьева-редактора и публикатора. Зная, что цензура особо бдительно относилась к имени Радищева, он «пускает» первые материалы о нем в составе рецензии на анненковское издание Пушкина. Расчет его был вполне правильным: выход в свет седьмого, дополнительного тома собрания сочинений Пушкина под редакцией Анненкова вызвал целый поток рецензий. Не было ни одного солидного журнала, который не откликнулся бы на это событие. Подобные рецензии успели в течение года уже как-то примелькаться цензорам и можно было надеяться, что отрывки из «Путешествия из Петербурга в Москву», вообще полностью запрещенного к печати, в таком контексте сойдут за пушкинские.

Так оно, очевидно, и получилось. Во всяком случае статья «Проза А. С. Пушкина. Библиографические замечания по поводу последнего издания сочинений поэта», написанная Афанасьевым в соавторстве с Е. И. Якушкиным, была опубликована в № 5 и 6 «Библиографических записок» за 1859 г. Современные исследователи дают этой статье очень высокую оценку. Так, Т. Г. Цявловская считает, что цель ее — «показать подлинное политическое лицо Пушкина», статья насыщена «цитациями из таких произведений поэта, которые не могли в свое время увидеть свет». Автор отдает должное умению Якушкина (об участии Афанасьева в статье она не упоминает) «пользоваться «эзоповской манерой», умолчаниями или зашифровкой» для того, чтобы донести до читателя общественный смысл публикуемого материала и избежать цензурных придирок²⁹. Эта статья (точно так же, как аналогичная работа Якушкина «По поводу последнего издания сочинений А. С. Пушкина», посвященная стихотворным текстам поэта — 1858, № 10) оценивается советскими пушкинистами как пропаганда запрещенных цензурой произведений поэта, весьма искусная и целеустремленная.

С поразительным искусством в статью о Пушкине были вставлены цитаты из радищевского «Путешествия...», от себя же публикаторы делают такое замечание: «В то время, когда другие, увлеченные сначала тем же умственным (т. е. революционным. — Л. Р.) движением, стали мало по малу мириться с действительностью или вдалились в мистицизм — это убежище для утомленных борьбою, — Радищев сохранил прежнюю твердость верований, удивляя других «молодостью своих седин», как говорит об нем Пушкин. В «Путешествии из Петербурга в Москву» он

²⁷ Рейсер С. А. Хрестоматия по русской библиографии с XI века по 1917 г. М., 1956, с. 224.

²⁸ Письмо А. Н. Афанасьева к М. Ф. Де-Пуле. — ИРЛИ, ф. 568, № 119, л. 2.

²⁹ Пушкин. Исследования и материалы. Т. I. М.-Л., 1956, с. 197.

до такой степени верен своему веку, что, разбирая его книгу, критик имеет дело не с личным взглядом автора, а с нравственными требованиями его века»³⁰. Нет сомнения в том, что редакция «Библиографических записок» очень хорошо понимала общественный смысл подобных публикаций.

То же самое можно сказать и о новиковских материалах, напечатанных в журнале. Борьба за их помещение была поистине борьбой за Новикова. Вначале Афанасьев попытался привести биографические сведения о нем в своей работе о сатирических журналах, но сведения эти были полностью вырезаны цензурой. Тогда он мобилизует возможности «Библиографических записок». В № 6 журнала за 1858 г. Афанасьев помещает написанную им обстоятельную биографию Н. И. Новикова. «Одним из самых замечательных деятелей царствования Екатерины Великой, без сомнения, был Новиков, человек глубокого ума, высоких нравственных достоинств и непреклонного благородства в убеждениях и в жизни, деятельный и смелый представитель современного литературного движения, сумевший тесно сочетать с печатным словом гражданское дело, неутомимый издатель, журналист, книгопродавец, типограф и филантроп»³¹, — так начинает Афанасьев свою статью. В журнале был напечатан и превосходный портрет просветителя с гравюры, заказанной Якушкиным в Лейпциге. В № 17 за 1859 г. публикуются материалы для биографии Новикова, собранные М. П. Полуденским; в № 21 за 1858 г. — переписка русских масонов, сподвижников Новикова (публикация Афанасьева по материалам библиотеки В. И. Касаткина), которую лишь с громадным трудом удалось протащить сквозь цензурные рогатки.

Большое количество материалов о Новикове содержала упоминавшаяся выше работа Афанасьева о И. В. Лопухине, напечатанная в калачовском «Архиве...», менее зависевшем от цензуры. Небольших же по объему заметок, посвященных прямо или косвенно Новикову, на страницах «Библиографических записок», было помещено великое множество. Все вместе они давали читателю массу новых сведений о Новикове, причем настойчиво проводилась мысль о «непреклонности», как писал Афанасьев, политических убеждений замечательного просветителя и общественного деятеля.

Однако еще больше, чем история общественной мысли XVIII в., редакцию журнала интересовали события более близкие по времени. В «Библиографических записках» были опубликованы материалы о декабристах, которые провести через цензуру было еще труднее. В № 22 за 1858 г. была помещена чрезвычайно интересная переписка В. А. Жуковского с тещей декабриста И. Д. Якушкина Н. Н. Шереметевой (публикация Е. И. Якушкина). И хотя все имена были из нее вымараны цензурой, а сам И. Д. Якушкин именовался «ваш далекий страдалец», редакция дала к этим словам примечание: «В этом и в следующих письмах речь идет о покойном И. Д. Якушкине». Точно так же, встречая материалы, подписанные буквами «М. И. М-А.», любой интеллигентный человек того времени понимал, что под ними скрывается Матвей Иванович Муравьев-Апостол.

«Библиографические записки» сумели поместить и некролог И. И. Пущина (под видом извещения о его печатавшихся в «Атенее» записках о Пушкине), содержавший недвусмысленное одобрение его деятельности: «Он принадлежал к числу тех немногих, которые не только

³⁰ «Библиогр. зап.», 1858, № 6, стлб. 162.

³¹ «Библиогр. зап.», 1858, № 6, стлб. 161.

не сочувствовали отсталому общественному мнению, но и старались противодействовать ему собственным примером»³².

Многие материалы «Библиографических записок» отличались, если можно так выразиться, демонстративной общеизвестностью. Редакции журнала, например, было очень хорошо известно, что среди его читателей не было ни одного, кто не знал бы наизусть пушкинское «Послание в Сибирь». Однако появление в русском подцензурном журнале запрещенного Пушкина (пусть даже всего двух строк стихотворения — второй и третьей)³³ само по себе было столь значительным общественным событием, что соображения приоритета уходили на задний план.

Среди публикаций «Библиографических записок» были, разумеется, и неизвестные читателям. В первую очередь это относится к публикациям пушкинских текстов. «Пушкиниана» редакции «Библиографических записок» заслуживает особого внимания. В первый же год существования журнала в нем были опубликованы: «Письма Пушкина к брату Льву Сергеевичу» (публикация С. А. Соболевского), «Записки А. С. Пушкина к Н. В. Гоголю» (публикация П. А. Кулиша), рецензия Л. Н. Майкова на 7-й том анненковского издания, уже упоминавшиеся выше статьи Е. И. Якушкина «О последнем издании сочинений Пушкина», в которых сообщалось немало неизвестных текстов из рукописей поэта (они были представлены в распоряжение Якушкина П. В. Анненковым), несколько неизданных стихотворений Пушкина (публикации Якушкина), публикация «Мелкие стихотворения А. С. Пушкина».

На этом фоне как нельзя кстати выглядел и первый в России указатель пушкиноведческой литературы — «Что писано о Пушкине» Г. Н. Геннади, которому пушкинисты дают весьма высокую оценку. Еще более богат пушкинскими материалами следующий, 1859 год. Здесь — известная уже нам статья о прозе Пушкина (Якушкина и Афанасьева), статья Якушкина по поводу издания записок Пущина о Пушкине, «Пушкин в Одессе» М. Н. Лонгинова, рассказ доктора И. Г. Спасского о последних днях поэта, письма Пушкина к разным лицам, второй указатель Геннади «Переводы сочинений Пушкина» и т. п. В целом за три года существования «Библиографических записок» в них были опубликованы 22 работы о великом поэте. Недаром этот журнал и поныне ценится пушкинистами.

Мы рассказали лишь о некоторых материалах большого общественного звучания, печатавшихся в журнале. Полный обзор «Библиографических записок» дал бы еще более впечатляющую картину, но пределы настоящей статьи не позволяют это сделать. Нам было важно показать, что редакция этого передового журнала публиковала материалы, политическая и научная весомость которых была ей вполне ясна. Все публикации, о которых говорилось выше, не имели ничего общего с обычными раритетами и помещались в журнале с целями, весьма далекими от библиофильских! Что же касается редкостей «как таковых», то они мало интересовали Афанасьева. В декабре 1858 г. начинающий историк М. И. Семевский предложил редакции журнала подлинную записную книжку 1826 г., принадлежавшую лицу консервативных убеждений. И хотя в ней имелись многие любопытные исторические данные, Афанасьев ее отверг, «ибо описание смерти Александра I, — как пишет он, — имеет интерес чисто исторический и более подойдет для «Чтений общества истории»³⁴. Таким образом, «чисто исторический» материал не

³² «Библиогр. зап.», 1858, № 8, стлб. 252.

³³ «Библиогр. зап.», 1858, № 11, стлб. 345.

³⁴ Письмо А. Н. Афанасьева к М. И. Семевскому. — ИРЛИ, ф. М. И. Семевского, оп. 1, № 66, л. 1.

заинтересовал редакцию. Ей был нужен такой, который возбуждал бы мысль читателя и «работал» на современность. И мы не можем не согласиться с мнением А. Н. Пыпина, писавшего, что «Библиографические записки» были замечательным предприятием для своего времени, не потерявшим цены и поныне»³⁵.

Между тем, если историки общественных движений и пушкинисты чрезвычайно высоко оценивают «Библиографические записки», историки библиографии, т. е. те, в «ведении» которых и должен находиться этот специальный журнал, ограничиваются либо беглыми упоминаниями о нем, либо — того хуже — безоговорочным осуждением. В чем же тут дело? Полагаем, в том, что первые действительно изучали этот журнал, вторые же, вероятно, лишь просматривали его оглавление, решив заранее, с легкой руки К. Н. Дерунова, что в этом журнале печатались не имевшие актуального интереса «древности» и раритеты. Это более чем грустно.

Нигилистическое отношение к наследию предшественников никогда не приносило пользы науке. «Понятно, — писал Н. В. Здобнов, — что журнал не нашел читателей»³⁶. Почему это так уж понятно? А потому, полагает историк, что в журнале не было «критической» библиографии, которая одна только и могла бы обеспечить ему популярность. Действительно, читателей (точнее, подписчиков) у журнала было очень мало. Из письма Афанасьева к Межову мы узнаем, что их было 250 человек. Однако, если иметь в виду, что журнал этот был рассчитан на людей творческого труда, преимущественно на библиографов, историков литературы и просвещения, то по тогдашним временам это была почти исчерпывающая цифра. Так что дело не в том, что журнал не удовлетворял своих читателей, а в том, что в России того времени еще очень узок был круг творческой интеллигенции, на которую он мог бы опереться. Среди этого малого, по сегодняшним понятиям, круга читателей, были такие люди, как вернувшиеся из ссылки старики-декабристы, как Герцен, удивительно быстро получавший каждый новый номер «Библиографических записок» и весьма внимательно читавший их.

Мы еще не знаем, что было основной причиной прекращения журнала — финансовый ли крах или цензурные преследования. Уже в самом начале существования журнала началась его упорная война с цензурой. В марте 1858 г. Якушкин пишет И. И. Пущину: «Библиографические записки» к вам отправлены. 11 марта за них уже был строгий выговор цензору и издателю»³⁷. 17-й номер того же года был задержан в цензуре из-за опубликованных Афанасьевым записок Селивановского о Радищеве и его времени³⁸. Были запрещены подготовленные Афанасьевым замечания Екатерины II на книгу Радищева и ответы самого Радищева на вопросы следствия³⁹. Таких примеров можно было бы привести еще несколько десятков. Поэтому неудивительно, что, рассказывая своему приятелю об обстановке, сложившейся в 1860 г., Афанасьев замечает (в письме от 12 мая 1860 г.): «При таких условиях я не мог бы издавать «Библиографические записки» и рад, что обстоятельства (т. е. поездка за границу. — Л. Р.) заставили приостановить их»⁴⁰.

Когда за редактирование журнала взялся В. И. Касаткин, положе-

³⁵ Пыпин А. Н. История русской этнографии, т. 2, с. 412.

³⁶ Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века, с. 345.

³⁷ Летопись Государственного литературного музея. Кн. 3. Декабристы. М., 1938, с. 477.

³⁸ Корректурный экземпляр статьи хранится в ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, № 48.

³⁹ Подлинник статьи хранится в ЦГИАЛ, ф. 772 оп. 1, № 5981.

⁴⁰ ИРЛИ, ф. 569, № 119, л. 2.

ние было не лучшим. «Материалов для «Библиографических записок» довольно, — писал Касаткин Якушкину, — но, увы, большей частью они не цензурного свойства... У меня погибли 4 статьи. Ожидают гибели целый десяток. Что делать? Просто руки опускаются»⁴¹.

Некоторые исследователи обвиняют «Библиографические записки» в формальном отношении к библиографии, опираясь при этом не столько на их содержание, сколько на высказывания редакции по вопросам теории. В нашем распоряжении имеются два таких текста: объявление об издании «Библиографических записок» и ответ на помещенную в журнале статью Р. И. Минцлова «Что такое библиография и что от нее требуется?» (1858, № 12). По нашему мнению, существенное значение имеет только второе выступление, ибо самый жанр объявлений об издании журнала таков, что в них преследуются вовсе не теоретические, а рекламные цели.

Однако обратимся к этим документам. Сначала посмотрим, как трактуют их историки библиографии. Н. В. Здобнов совершенно не принимает во внимание (и, по нашему мнению, вполне справедливо) объявление об издании журнала, напечатанное в «Московских ведомостях» 1857 г. Он останавливается лишь на ответе редакции «Библиографических записок», который рассматривает как документ, противостоящий формализму (Минцлов причисляется им к законченным представителям последнего). Однако Н. В. Здобнов считает, что и редакция «Библиографических записок» недостаточно остро критикует Минцлова, оставаясь «в рамках академической библиографии, крайне ограничив пределы критического элемента в ней»⁴².

О чем же идет речь в ответе редакции журнала Минцлову? Прежде всего о том, что «вопросы библиографические более или менее тесно связаны с литературною и историческою критикою, и библиограф не вправе слагать с себя обязанности, налагаемые на него этою последнею»⁴³. (Это было сказано в ответ на замечание Минцлова о том, что библиограф не обязан быть также и критиком). «Конечно, — продолжает далее Афанасьев (то, что статья написана им, подтверждается сходством основных ее положений с цитировавшимся выше его обзором в «Отечественных записках»), — подобные обязанности, налагаемые на библиографа, требуют от него и специальных сведений, и знакомства с современным состоянием науки, и критического таланта: но что же бывает прочно без этих условий? Одного систематического порядка тут слишком мало»⁴⁴. Казалось бы, чего лучше? Редакция журнала признает даже «критический элемент». Так в чем же тогда упрекают Афанасьева и его единомышленников? А в том, что они прилагали этот «элемент» только к научной (исторической и историко-литературной) книге, что вполне объясняется спецификой их журнала. Они справедливо полагали, что библиографу, работающему в этих областях, нужно прекрасно ориентироваться в тех проблемах, которые ставит перед библиографией историческая наука. Рассматривая библиографию как вспомогательную научную дисциплину (и в этом они были солидарны с Чернышевским), редакторы «Библиографических записок», естественно, не занимались вопросами, касающимися отделов критики и библиографии в общелитературных журналах. А историки хотели бы услышать от них именно это. Здесь, как нам представляется, корень всех недоразумений, причина,

⁴¹ Цит. по кн.: Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды», с. 160. (Подлинник хранится в ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, № 543, л. 2—2 об.).

⁴² Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века, с. 337.

⁴³ «Библиогр. зап.», 1858, № 13, стлб. 416.

⁴⁴ Там же, стлб. 418.

почему один из самых передовых библиографических журналов оказался зачисленным «по ведомству» библиографического формализма.

Однако Н. В. Здобнов, как мы видели, лишь слегка упрекнул журнал за недостаточно острую критику мнений Минцлова. С. А. Рейсер идет намного дальше. По его мнению, в «Библиографических записках» «наиболее ярко выразился формальный подход к библиографии». В них «была открыто высказана точка зрения, знаменовавшая отход от тех общественных задач, которые осуществлялись революционными демократами». Это серьезное обвинение. Оно аргументируется тем, что «книга признавалась (редакцией «Библиографических записок». — Л. Р.) интересной прежде всего за свою редкость. Об этом ясно написано в листовке, предшествовавшей изданию журнала»⁴⁵. Однако, в этой листовке на самом деле речь идет о том, что редакция будет заниматься не учетно-регистрационной, а научно-вспомогательной библиографией (разумеется, в переводе на современные термины); о том, что она считает эту библиографию помощницей науки, призванной знакомить историков с «живым содержанием» неизвестных памятников; о том, что журнал будет обслуживать библиофилов и ученых, «служить необходимым посредником между учеными деятелями и наиболее замечательными библиотеками».

Если же мы вспомним, что в это время в России не было ни одной специальной научной библиотеки и что функции этих последних выполняли именно библиофильские собрания, то последнее положение не вызовет у нас никаких возражений. О первых же двух вообще и не придется спорить, они вполне ясны. «Пора перестать делать из всего непрозрачную тайну, — заканчивает редакция свое объявление, — пора позаботиться об усвоении науке тех данных, которые еще пощажены всесокрушающим временем»⁴⁶. Нам не вполне понятно, что же именно в этом заявлении редакции «знаменует собой отход» от революционно-демократических взглядов на библиографию. Просто здесь речь идет не о журнальных рецензиях, общественная функция которых так ярко разработана Белинским, Чернышевским, Добролюбовым, а о научно-вспомогательной библиографии, как ее понимали люди той эпохи.

Известно, что в функцию библиографа входила и публикация памятников литературы, и в этом «Библиографические записки» вовсе не представляли собой какого-то исключения. Те функции, которые они оставляли за собой, были частью общих функций библиографии в широком ее понимании людьми 50—60-х годов. Поэтому совершенно прав Н. В. Здобнов, когда он пишет, что программное выступление журнала, хотя и не совпадавшее с просветительской точкой зрения на библиографию, включало в себя положения, не исключавшиеся революционными демократами⁴⁷. И действительно, журнал этот давал материал, который не мог не оценить даже столь строгий к библиографии того времени критик, как Добролюбов. В известной своей рецензии на переиздание Афанасьевым трех старых сатирических журналов, с убийственной иронией живописующей тип оторванного от жизни библиографа, для которого существуют только заглавия книг, лишь для «Библиографических записок» Добролюбов делает исключение, как для журнала, не забывающего о жизненных задачах. «Библиографы русские успели возвыситься до того научного величия, — иронически пишет Добролюбов, — при котором мелки и ничтожны становятся обыденные интересы простых смерт-

⁴⁵ Рейсер С. А. Хрестоматия по русской библиографии с XI века по 1917 г., с 224.

⁴⁶ Цит. по кн.: Рейсер С. А. Хрестоматия по русской библиографии с XI века по 1917 г., с. 226.

⁴⁷ Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века, с. 337.

ных». «Библиография вполне удовлетворяет у нас самым взыскательным требованиям (если не упоминать о «Библиографических записках», в которых она иногда сбивается со своего пути)»⁴⁸. В данном случае это звучит без сомнения, как похвала журналу, что, конечно, было бы невозможным, если бы тот уже в объявлении об издании открыто заявил о своем разрыве с идеологией революционной демократии.

Точно так же оценивает Добролюбов и Афанасьева. «Нам кажется, — пишет он, — что г. Афанасьев не совершенно достиг еще такого презрения к жизненным интересам ради высоты своей науки... Неполноту и даже слабость библиографических начал в г. Афанасьеве доказывают и многие из статей его, помещенные в «Библиографических записках», «Атенеи», «Русском вестнике» и пр. В нем еще заметно легкомысленное, дилетантское стремление пользоваться библиографическою наукою для разрешения некоторых чуждых ей вопросов»⁴⁹. Читатель того времени, приученный к «эзоповскому языку», прекрасно понимал, о чем здесь идет речь. Добролюбов приветствует работы Афанасьева именно за то, в чем им отказывают некоторые советские исследователи: за общественное звучание его библиографических трудов и публикаций. А ведь эта статья написана в конце 1858 г.; следовательно, Добролюбов уже тогда имел возможность составить себе более или менее полное представление о характере «Библиографических записок» и облике их редактора. Нам хорошо известно, насколько пристально следил Добролюбов за тенденциями современной ему библиографии, насколько он был непримирим и беспощаден к любому проявлению формалистических выступлений. Поэтому особенно важным представляется тот факт, что критик считал нужным печатно отмежевать Афанасьева от тех библиографов, которые, по его мнению, забывают о потребностях своего времени. Правда, в этой же статье он предупреждает Афанасьева об опасности увлечения старинной «как таковой»; но мы знаем, что вся последующая деятельность Афанасьева была неуклонным продолжением той прогрессивной линии в науке, к которой он примкнул еще в молодые годы.

Как же относился сам Афанасьев к тем формалистическим тенденциям, которые проявлялись у некоторых библиографов его времени? 17 марта 1862 г. Афанасьев пишет П. П. Пекарскому: «Была здесь мысль о составлении библиографического общества, от лица которого мог бы продолжаться журнал («Библиографические записки». — Л. Р.) но увя, с нашими библиографами, каковы Соболевский, Ундольский и прочие таковые — далеко не уедешь. У меня давным-давно свербят руки взяться за перо и составить едкого свойства заметку о бесполезности библиографов, не видящих ничего далее формата книги, года и места печатания; да боюсь, что в виду других интересов подобная заметка покажется желанием поднять бурю в стакане воды»⁵⁰. Это письмо, не попавшее в поле зрения историков русской библиографии, представляет, на наш взгляд, первостепенный интерес. До сих пор считалось, что подобные высказывания о библиографии исходили в то время только от деятелей «Современника». Но вот уже после смерти Добролюбова находится человек, почти текстуально повторяющий его отзывы, причем человек из среды самих библиографов. Эти высказывания чрезвычайно существенны для понимания характера размежевания в едином ранее библиографическом лагере, которое произошло под влиянием бурных обществен-

⁴⁸ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. 1. М.-Л., 1934, с. 483.

⁴⁹ Там же, с. 484.

⁵⁰ Письмо А. Н. Афанасьева к П. П. Пекарскому. ГПБ, арх. П. П. Пекарского, № 159, л. 2.

ных событий начала 60-х годов. Пройдет несколько месяцев — и Афанасьев предстанет перед судом как обвиняемый по «процессу 32-х». За плечами у него — сотрудничество и личное знакомство с Герценом, цензурные мытарства, чтение секретных документов из московского архива, рисующих самодержавное семейство в самых отвратительных красках, дружба с Якушкиным, Касаткиным и Слепцовым, — обстоятельства, как нельзя более способствовавшие укреплению радикального мировоззрения. В то же время он очень одинок в Москве: Якушкин уехал на постоянное жительство в Ярославль, Ефремов переехал в Петербург, Касаткин стал политическим эмигрантом, Полуденский умирал от чахотки. Вокруг лишь «старички» типа Ундольского, не интересующиеся ничем, кроме «славяно-русской» библиографии. Естественно, с такими людьми Афанасьев не может иметь ни деловых, ни личных контактов. Мы видим, что он не решается выступить со статьей о положении в библиографии из-за того, что Россия переживает в этот момент столь драматические события, перед лицом которых его возмущение формалистами может показаться не стоящим внимания. Однако, если бы такая статья была опубликована, вряд ли сегодня нашлись бы историки, решившиеся обвинять Афанасьева и его журнал в реакционных, формалистических тенденциях!

«Библиографические записки», обычно характеризуются как журнал, посвященный историко-литературной библиографии. Нам думается, что это не вполне точно. В журнале за три года было опубликовано множество материала, не имеющего непосредственного отношения к истории литературы: документы, касающиеся масонства и раскола, декабристские и чаадаевские материалы, множество заметок по истории общественного движения, просвещения и т. п. Редакция не ограничивала себя какой-либо конкретной тематикой. От публикаций требовалось только одно: они должны были вызывать общественный интерес. Журнал печатал и собственно библиографические работы (Геннади, Лазаревского, Межова и других библиографов), но не они определяли жанровые особенности «Библиографических записок». И это вполне понятно: библиографические указатели были, как правило, в те времена довольно громоздкими; к тому же среди них мы не можем назвать ни одного (кроме опубликованных в журнале), которые бы удовлетворяли требованиям редакции. Редакторы «Библиографических записок» вообще всячески избегали случайных материалов, а если они все-таки нет-нет да появлялись на страницах журнала, то только в тех случаях, когда требовалось срочно заполнить место, вымаранное цензурой. Довольно стойким жанром была хроника библиотечной и библиографической жизни, этот материал входил в программу журнала. В отличие от афанасьевского, касаткинский журнал пытался поставить и рецензирование новых книг по профилю, близкому «Библиографическим запискам». Однако это ему не слишком хорошо удалось: выбор книг здесь был довольно случайным, рецензии не такими уж интересными, по-видимому, этот жанр был органически не свойствен журналу, и среди сотрудников его не находилось лиц, пожелавших регулярно рецензировать новинки.

«Библиографические записки» выходили всего три года, но за это короткое время на их страницах было опубликовано такое громадное количество интересного материала, что и до сих пор он не полностью изучен историками литературы, культуры, общественных движений. Все это дает нам право считать журнал заслуживающим пристального внимания, а его создателя и редактора А. Н. Афанасьева причислить к наиболее видным деятелям отечественной библиографии.
